

The background of the entire image is a dark, textured surface with a subtle geometric pattern of triangles. The woman's face is the central focus, presented in three distinct panels. The left panel shows a profile view of her face, looking towards the left, with her eyes closed. The middle panel is a frontal view of her face, looking directly at the camera with a slight smile. The right panel is another frontal view, but with her eyes closed. The lighting is soft and warm, highlighting her features. The text 'МАРИНА КРАМЕР' is overlaid on the top half of the image, with the letters 'М' and 'К' partially enclosed in blue circles. The text 'АНАТОМИЯ ЛЮБВИ' is at the bottom, underlined.

МАРИНА КРАМЕР

АНАТОМИЯ ЛЮБВИ

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

Марина Крамер
Анатомия любви

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крамер М.

Анатомия любви / М. Крамер — «Эксмо», 2023 — (Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер)

ISBN 978-5-04-188143-6

В современном мире женщина не может позволить себе роскошь быть слабой. Героини романов Марины Крамер преодолеют любые препятствия на пути к своей цели, заставят считаться с собою каждого, кто захочет перейти им дорогу. Любовь таких женщин обжигающе горяча, а власть над мужчинами – безгранична. В клинике Аделины Драгун два новых врача – хирург Семен Кайзельгауз и анестезиолог Инна Калмыкова. И если к Семену у Аделины почти нет вопросов, напротив, она даже чувствует в нем родственную душу, то с Инной Калмыковой происходит что-то непонятное. Когда в клинике погибает клиентка, по странному стечению обстоятельств оказавшаяся бывшей коллегой Инны, а у самой Инны исчезает восьмилетний сын, Аделина приходит к выводу, что в прошлом анестезиолога есть какая-то тайна...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188143-6

© Крамер М., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Аделина	6
Семен	8
Инна	10
Аделина	12
Семен	15
Инна	19
Аделина	23
Семен	27
Инна	32
Аделина	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Крамер

Анатомия любви

© Крамер М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

«Семейственность – не всегда благо. Не всегда дети должны слепо повторять путь родителей, даже если последним кажется иначе. Дети не должны быть заложниками родительских амбиций, не должны...»

Гладкий асфальт до самого горизонта. Ровная дорога без поворотов. Стоит ударить ногой по педали – и вперед, туда, где все ясно и просто, где есть только скорость и ветер. И – свобода. Невероятная свобода от всего. И прежде всего – от отца, от его придирчивого взгляда, от язвительных комментариев, от оскорбительного пренебрежения.

«Я не маленький ребенок. Мне пора стать тем, кем мне хочется».

Рев мотоцикла заглушает мысли, ветер надувает футболку – свобода! Но завтра утром все вернется на круги своя...

Аделина

Почему-то летом на меня всегда нападают воспоминания о детстве. Нет, честно – ни в какое другое время года я не вспоминаю себя в возрасте восьми-девяти лет, только в июле. Первый рабочий день на этой неделе, солнце уже жарит, как раскаленная сковорода, превращая прохожих в румяные булочки. А я чувствую себя внезапно маленькой девочкой – только что вернулась из деревни, и мама встретила меня на вокзале, приняла из рук в руки у проводницы, подхватила спортивную сумку с вещами и потащила на троллейбусную остановку.

Я сижу на высоком сиденье сразу за водительской кабиной, смотрю в окно и удивляюсь тому, как сильно изменился город за тот месяц, что меня в нем не было, – вроде даже дома стали другими, и улицы, и деревья...

На мне сарафан в серую и белую клетку, вместо пуговиц – пластмассовые красные клубничины, это из-за них он и был куплен в универмаге бабушкой – уж очень я вцепилась в это ничем больше не примечательное платье.

Мама фыркнула на обновку – мол, конечно, такое только в сельпо и можно купить, но я не очень поняла, что плохого и в сарафане, и в сельпо. Белые босоножки запылились, мама смотрит с неодобрением – она уже в то время известный хирург, ее в городе многие знают, а тут рядом такая замарашка в ситцевом сарафане...

Она не спрашивает, как я отдохнула, не интересуется здоровьем бабушки – она хмурится, молчит и нервно кусает нижнюю губу, прокручивая в голове сделанную вчера операцию. Я хорошо знаю и это выражение лица, и его причину. Для мамы нет ничего важнее работы.

Для меня тоже нет ничего важнее работы – ну если не считать мужа. Мы с Матвеем не так давно женаты, хотя уже довольно не юны, но что такое возраст в сравнении с теми чувствами, что мы друг к другу испытываем...

Но работа – это тот дополнительный цемент, что скрепляет наши отношения и делает их еще прочнее. Муж-единомышленник – это настоящий подарок, он поддерживает меня во всем, не страдает по поводу отсутствия ужина (который мастерски может приготовить сам), не ворчит по поводу моих задержек на работе – потому что сам такой же. В общем, семейная жизнь оказалась совершенно необременительной, чего я так боялась прежде. Главное – это выбрать подходящего человека, который будет смотреть в ту же сторону, что и ты.

И если снова о работе, то моя клиника пластической хирургии по-прежнему лучшая, туда все так же не иссякает поток желающих что-то изменить в себе, а я все так же за счет людей, готовых выкладывать большие деньги за новую внешность, бесплатно оперирую детей и оказываю экстренную помощь тем, кому она действительно нужна, а не является блажью или просто фантазией. У меня в штате всегда есть хорошие, высококлассные хирурги, специалисты по реабилитации и лучший – я не кривлю душой, говоря это, – психолог Иван Иващенко. С этим человеком мы долго искали общий язык, но, когда нашли, оказалось, что я обрела не только прекрасного специалиста, но и хорошего друга, способного выслушать и дать совет там, где этого не может сделать Матвей.

Коллектив у нас более-менее устоявшийся, все работают давно, и я довольно редко беру кого-то еще, потому что в этом нет необходимости. И только в прошлом году, взяв молодую, но перспективную Ульяну Ненашеву, я была вынуждена снова искать хирурга. У Ненашевой начались проблемы с психикой, непроработанные детские травмы подкинули и ей, и мне неприятный сюрприз, и я снова начала обзванивать знакомых в поисках достойной замены. Длилось это довольно долго, в этот раз почему-то все кандидаты меня не устраивали, я выискивала повод отказать им – и непременно его находила.

И вот в понедельник наконец должно было состояться собеседование с кандидатом, а я, проснувшись утром, вдруг начала вспоминать детство. Вот к чему бы?

– В отпуск тебе пора, вот к чему, – Матвей откинул одеяло и сел, потягиваясь.

Я уставилась на него:

– Опять громко думаю?

Матвей развернулся, снова упал на кровать и обнял меня:

– Я давно к этому привык. Но тебе бы не помешало об этом с Иваном поговорить.

– Считаешь, что я схожу с ума?

– Нет. Считаю, что ты слишком много работаешь и нуждаешься в отпуске. И не надо мне сейчас говорить, что тебе не на кого оставить клинику, – приложив палец к моим губам, закончил муж. – Все, давай вставать, у меня операция в десять.

– Блефаропластика?

– Да. Хочу еще раз посмотреть, прежде чем в операционную брать.

– Надеешься, что она передумала?

Матвей рассмеялся, вставая с кровати:

– Кто? Супруга мэра? Ты меня удивляешь. Она сделала портрет с макета, поставила на тумбочку и медитирует на него сутки напролет, а ты говоришь – передумала.

Макет – это смоделированное на компьютере изображение лица клиентки «после», мы всегда делаем такие, чтобы результат будущей операции был более понятен и нагляден. И, похоже, жене нашего мэра это очень понравилось.

Ну ладно – Матвей блестящий хирург, лучший из тех, что есть в моей клинике, и он делает все так, что результат превзойдет ожидания капризной клиентки, за это я даже не переживала. А вот за предстоящий разговор с кандидатом на должность нового хирурга – очень. Потому что никогда не знаешь, кто окажется за открывающейся дверью в твой кабинет.

Семен

Харлей привычно заурчал, обтянутые кожей рукоятки управления приятно охладили руки – Семен почему-то чувствовал, как изнутри его охватывает жаркая волна, как будто на улице уже градусов сорок. Нет, он не волновался по поводу предстоящего собеседования – знал себе цену, понимал, что все его заслуги не фикция. Но... фамилия. Фамилия, черт ее дери...

Всегда, еще со времен студенчества, стоило Семену открыть рот и назвать ее, как тут же начинались косые взгляды, ехидные усмешечки и типа понимающее «а, ну ясно все». Быть сыном проректора института, где учишься, тот еще подарок, конечно, а если учесть, что отец до получения профессорской должности был еще и выдающимся хирургом, известным практически на всю страну, то картина получалась совсем печальная.

Вроде как все ждали от Семена чего-то – то ли неизбежных ошибок, то ли, наоборот, какого-то немыслимого взлета, ну а как же – сын великого хирурга Кайзельгауза не может быть заурядным – или наоборот, должен им быть, чтобы оправдать поговорку «на детях природа отдыхает».

Примерно класса с седьмого, когда стало понятно, что другой дороги, кроме как в медицину, Семену жизнь не предоставила, он с остервенением учился, чтобы доказать в первую очередь отцу, что достоин носить его фамилию, достоин быть сыном «самого».

И не то чтобы отец требовал от него подобного, вовсе нет, но глубоко внутри Семен ощущал, что должен, обязан, не имеет права не соответствовать. И это висело на его плечах тяжелым походным рюкзаком, вроде того, что он собирал всякий раз, отправляясь с друзьями-байкерами в очередной пробег.

Но если с содержимым этого рюкзака все было понятно, то что делать с чувством долга и завышенными ожиданиями окружающих, Семен не знал.

Так он дожил до тридцати пяти лет – днем довольно неплохой хирург, ночами – «дорожный воин», затянутый в кожу. Наверное, команда байкеров помогала ему сбросить напряжение, которое он постоянно испытывал в больнице, а ночная, почти пустая трасса давала ощущение полной свободы и независимости.

Отцу, понятное дело, такой образ жизни сына казался странным и не особенно нравился. В профессорском доме не принято было обсуждать увлечение сына мотоциклами и мотопробегами, считалось, что «мальчик прожигает жизнь», хотя «мальчик» – почти двухметровый светловолосый бугай с широкими плечами и огромными руками, умевшими уверенно держать не только руль харлея, но и скальпель, давно жил отдельно и старался, как мог, отстраниться от заслуг отца.

Мама никогда отцу не перечила, не спорила с ним, а в дни, когда профессор Кайзельгауз оперировал в одной из клиник города, вообще ходила на цыпочках, чтобы не мешать супругу отдыхать. К счастью, таких дней становилось все меньше – профессор не молодеел, зрение было уже не то, и руки начали предательски подрагивать.

Хуже было другое... В последнее время он непременно желал видеть ассистентом сына, и Семен вынужден был соглашаться, хотя больше всего ему хотелось отказаться и никогда не стоять с отцом за одним столом, подчиняясь его указаниям, с которыми все чаще он не был согласен.

Он уставал от снисходительного отцовского тона, от его нарочито пренебрежительного отношения к сыну в операционной – как будто Семен не был хирургом, а являлся всего лишь интерном, таким шалопаем, которого строгий папа решил приспособить к делу, доверил какие-то несложные манипуляции, хотя зачастую именно Семен проводил всю операцию, а Борис Исаевич лишь ставил в протоколе свою фамилию и инициалы выше остальных.

«Почему я никогда не могу возразить ему? – угрюмо думал Семен, размыываясь после операции. – Почему не могу отказаться, просто сказав: «Папа, я не буду делать этого, возьми другого ассистента»? Потому, что он мой отец? Или потому, что боюсь оказаться хуже его?»

Эти мысли мучили Семена постоянно, но он никак не мог набраться смелости и высказать их вслух – не то что отцу, но даже себе, глядя по утрам в зеркало.

Решение уволиться из больницы, где оперировал и преподавал отец, Семен принял не сам. Он так и сидел бы, придавленный авторитетом профессора как могильной плитой, до конца своих дней, хотя уже вплотную занялся пластической хирургией, если бы не обстоятельства. Возможно, все было к лучшему, но кто знает...

Клинику Драгун ему посоветовала старшая медсестра Мария Николаевна, там работала ее сестра, и именно от нее пришла информация о том, что Драгун ищет нового хирурга.

– Съездили бы вы туда, Семен Борисович, – сказала Мария Николаевна как-то после обхода, шагая рядом с Кайзельгаузом-младшим по коридору в сторону ординаторской. – Такой шанс не каждому выпадает, а у вас-то руки ведь золотые. Здесь все равно ничего не добьетесь, – шепотом добавила она, и Семен вздрогнул, словно старшая медсестра подслушала его тайные мысли. – Так и будут с отцом сравнивать, к чему вам это? Вы и сам по себе не пропадете. Не даст вам Борис Исаевич развиваться, хоть и отец, а там будете сам себе хозяин.

Семен неопределенно кивнул, но слова старшей медсестры засели в голове. Из больницы надо было уходить, но он не видел перспективы, а тут вдруг... И он решился, позвонил и напросился на собеседование, хотя в тоне Драгун услышал что-то вроде удивления, когда назвал свою фамилию.

«Ну ясное дело... И эта как все», – подумал Семен, однако решения не изменил и сегодня поехал в загородную клинику, чтобы посмотреть, как там все устроено, а заодно и себя показать – чем черт не шутит.

Инна

– Алина! Алина, вставай, будильник разорвется сейчас! – никакой реакции, конечно, не последовало, и Инна со вздохом хлопнула по кнопке надрывавшегося на прикроватной тумбочке будильника.

Дочь закутала голову одеялом и повернулась на другой бок, продолжая спать.

Инна решительно сдернула одеяло, и Алина, свернувшись клубком, заканючила:

– Ну ма-а-ам...

– Что – мам? Вставай, говорю, на практику опоздаешь.

– Мне сегодня в ночь...

– Не ври, у тебя сегодня только день, я расписание проверила.

– Тебе делать, что ли, нечего? – возмутилась дочь, садясь в кровати. – Что ты шпионишь за мной, я не маленькая!

– Тогда вставай и собирайся, мне еще Даню в лагерь надо забросить.

– Я мешаю, что ли? Уезжайте, я сама доберусь.

– Знаю я, куда ты доберешься. Собирайся давай.

Инна вышла из комнаты, даже не сомневаясь в том, что дочь тут же завалилась обратно в постель.

Так продолжалось уже несколько месяцев, с тех пор как дочь вышла с каникул после первой сессии в институте, которую сдала кое-как. Инна заехала в деканат, и там ей сказали, что Алина Калмыкова регулярно не появляется на занятиях. Инна сфотографировала расписание лекций и практических занятий и решила контролировать посещения сама, хотя и понимала, что Алина будет вот так протестовать. Но позволить дочери упустить шанс получить хорошее образование, да еще и на бюджетном отделении она не могла. Закончит – путь делает что хочет, а сейчас будет учиться. В семье потомственных медиков так было заведено.

Она стала контролировать посещения, и дочь, хоть и со скандалами, но добралась до второй сессии, которую тоже с треском завалила.

Инна помнила себя на первом курсе – да, иной раз флонила, как без этого, но со временем поняла, что надо заниматься, посещать лекции и практику, иначе хорошим врачом не станешь. Она не спрашивала дочь, хочет ли та поступать в этот институт, как не спрашивали в свое время ее родители, их судьба как бы была предопределена заранее – династия Калмыковых уже несколько поколений работала в медицине, и других вариантов никто не предполагал.

Алина легко прошла конкурс, у нее был аттестат с двумя четверками и дополнительные баллы за победы в олимпиадах по биологии и химии, но первую же сессию дочь завалила, получив неуды сразу по двум предметам из трех, чем удивила и огорчила Инну.

– Как так? – возмущалась та. – Ну объясни мне, как ты ухитрилась-то схватить неуд по неорганической химии? Ладно еще – физика, могу понять, хоть и с трудом, но химия?!

Алина только отмахивалась:

– Ты наверняка помнишь завкафедрой, эта старая крыса вообще девчонкам выше тройки не ставит.

– Это неправда. Галина Григорьевна строгая, конечно, но ни к кому предвзято не относится.

– Особенно к тем, у кого сто поколений – врачи, ага! – с сарказмом отозвалась дочь. – Зачем ты мне фамилию поменяла? Чем папина была нехороша? Тем, что вы развелись? Ну а мы с Данькой тут при чем? Сама его фамилию не взяла и меня теперь лишила, и Даньку заставишь, когда подрастет! Будь я не Калмыкова, а Залевская, и Ганченко бы ко мне не придиралась!

– Ганченко не придиралась бы, если бы ты к экзамену готовилась, а не по клубам моталась! Что у тебя в голове вообще?

– Опилки! – отрезала дочь и стремительно вышла из квартиры, так хлопнув напоследок дверью, что со стены слетела деревянная ключница.

Инна решила пока не поднимать эту тему, но в институт съездила, договорилась о передаче, и Алина получила два «удовлетворительно» в зачетку, что, конечно же, Инну не устраивало. А после каникул, оказывается, Алина начала пропускать занятия, хотя из дома уходила каждый день, пусть и не всегда рано утром.

Инна представить не могла, где пропадала дочь в это время – слишком много сил отнимала собственная работа и младший сын, первоклассник Даня.

Дорога до клиники занимала много времени, приходилось прибегать к помощи няни, иначе мальчик оставался бы на продленку, а утром сидел бы в пустом холле школы, чтобы мать не опаздывала на планерку.

Инна работала анестезиологом в клинике пластической хирургии Аделины Драгун, очень дорожила этим местом, доставшимся ей по счастливой случайности почти сразу после возвращения в родной город из Москвы. Это было настоящей удачей – после столичной клиники не оказаться в рядовой больнице, а попасть в хорошее место с репутацией и большим потоком клиентов. Соответствующей здесь была и зарплата, позволявшая Инне не особенно снижать детям уровень жизни, к которому они привыкли в Москве. Она была хорошим специалистом, потому Драгун взяла ее сразу, однако оказалось, что окончательное решение о приеме на работу принимается только после собеседований с психологом клиники Иваном Иващенко.

Этот тип в свитере со следами кошачьей шерсти Инне сразу не понравился. Он говорил тихим голосом, словно стеснялся каждой своей фразы, но Инна чувствовала, что любой его вопрос выверен и попадает точно в цель, в самое чувствительное место, а это значило, что постоянно нужно быть настороже, готовой отразить атаку и не запутаться в собственных ответах. Если бы такое собеседование было одно, можно было как-то вывернуться, но ей пришлось встречаться с психологом трижды, и Инна очень боялась перепутать ответы на вопросы, которые Иващенко задавал всякий раз одни и те же, но в какой-то ему одному ведомой последовательности, потому легко было сбиться, особенно если стремишься говорить не всю правду.

Из разговоров с коллегами она уже знала, что владелица клиники всегда принимает решение о приеме на постоянную работу, основываясь на выводах психолога. Можно было, конечно, взбрыкнуть и отказаться, но Калмыкова отлично понимала, что места лучше этого ей не найти – даже с ее столичными рекомендациями и опытом работы. Клиника Драгун была местом, куда стремились попасть и откуда не увольнялись по своей воле, потому что совершать такую глупость мало кто хотел.

И она терпела эти «допросы», как мысленно называла беседы с психологом, ночами напряженно прокручивая свои ответы, чтобы не забыть их до следующего раза. Когда тебе есть что скрывать, приходится постоянно помнить все, что и кому говоришь.

Вторую заваленную сессию Алины Инне тоже удалось «устаканить», и теперь дочь проходила практику в одной из больниц, но, судя по всему, появлялась там так же редко, как и на занятиях в институте, потому Инна вынуждена была контролировать и это. Да, ее дочь не была приучена мыть полы, но ничего, в жизни всему придется научиться. Работа санитаркой, конечно, не была пределом мечтаний Алины, но практика есть практика, и потакать дочери Инна вовсе не собиралась.

– Если сегодня ты не появишься в больнице, пеняй на себя! – крикнула она уже из коридора, выставив сына с рюкзаком за дверь.

Из комнаты Алины не раздалось ни звука, и Инна, со вздохом кинув взгляд на часы, побежала вниз по лестнице вслед за Даней.

Аделина

Приятно чувствовать, что дело, которому ты посвящаешь жизнь, и место, в которое вкладываешь силы и душу, стали родными еще кому-то. Я всегда думаю об этом, когда оказываюсь на территории клиники и вижу, как относится персонал к этому месту. У нас всегда чисто и красиво – и заслуга здесь не столько нанятых садовника и дворников, но большей частью наших медсестер и работниц пищеблока, а также анестезиолога Инны Калмыковой.

Когда я брала ее на работу, даже представить не могла, что эта невысокая хрупкая женщина с чуть выющимися коротко постриженными каштановыми волосами окажется еще и прекрасным ландшафтным дизайнером. В первую же весну она пришла ко мне с предложением обновить клумбы и разбить новые в таких местах большого парка, о которых я, например, даже не задумывалась. Однако доверившись Калмыковой, через несколько месяцев обнаружила, что клумбы самых причудливых форм, в том числе и каркасные фигурки животных, размещенные в разных углах парка, сделали его по-настоящему сказочным и уютным.

У анестезиолога, помимо высокой квалификации в профессии, оказались еще и золотые руки во всем, что касалось цветочных дел, и я мысленно похвалила себя за то, что все-таки взяла ее. А ведь могло сложиться и по-другому...

Психолог Иващенко после первого же разговора с Инной сказал мне, что та ему не нравится и кажется весьма подозрительной. Я насторожилась – чего-чего, а подозрительных людей в клинике я видеть больше не хотела, тут и так регулярно появлялись довольно странные персонажи как среди пациентов, так и среди персонала, и это иной раз вызывало определенные сложности, мягко выражаясь. Создавалось впечатление, что моя клиника притягивает людей в высшей степени профессиональных, но с какими-то скелетами в шкафах, с какими-то прошлыми сложностями. Это касалось даже меня самой, даже моего мужа Матвея, и порой я думала, что именно в этом причина – я чувствую в людях эти сложности и не могу отказать.

Однако Калмыкову бы я не взяла и уже настроилась отказать ей, но тут, как обычно, случилось непредвиденное – наш бессменный анестезиолог Артем разбился в аварии, а его более молодой коллега Влад ни за что не справился бы с такими объемами операций, как проводились в клинике. Словом, судьба распорядилась так, что Инна Калмыкова стала частью коллектива, но я пока не пожалела об этом ни разу. Ну и увлечение ландшафтным дизайном, конечно, тоже добавляло ей веса в моих глазах.

Сейчас, идя по аллее от парковки к административному корпусу, где находился мой кабинет, я с удовольствием отмечала, что все клумбы укрыты зеленью и цветами как ковриками, от них исходит приятный медовый аромат, и это как-то успокаивает, настраивает на хорошее.

Я невольно задержалась у большой клумбы в форме сердца, усеянной мелкими белыми, розовыми и маслянисто-желтыми цветами. Они тонко пахли, и я никак не могла вспомнить название.

– Доброе утро, Аделина Эдуардовна, – раздалось за спиной, и я повернулась – ко мне приближалась Инна Калмыкова, чуть задыхаясь от быстрой ходьбы, раскрасневшаяся и слегка растрепанная.

– Доброе утро, Инна Алексеевна. Вы сегодня рано.

– Почему? – как-то растерянно спросила она, бросив взгляд на часы, и вдруг расхохоталась: – Да у меня часы вперед бегут, надо же... а я детей подняла ни свет ни заря, сына в лагерь отвезла – думаю, почему так тихо? Ох ты... – она завозилась с наручными часиками, переводя стрелки.

– Вы не знаете, как цветы называются? – спросила я, кивая на клумбу, и Калмыкова улыбнулась:

– Вообще это гипсофилы, но мне больше нравится английское «дыхание ребенка».

– «Дыхание ребенка»? – переспросила я, никогда прежде не слышавшая подобное название цветка.

– Да. Существует легенда, что в горах разбился мальчик, пасший овец, – искал отбившуюся от стада овцу и не заметил высокого обрыва, упал. Мать искала его несколько дней, а обнаружила только вот эти цветы, – Инна рукой указала на белые головки.

– Жуткая легенда, – поежилась я.

– Да, вот и немцам так казалось, потому они называют их «вуаль невесты».

– Откуда вы все это знаете, Инна Алексеевна?

– Так я много лет занималась разведением цветов. Дом был загородный, большой, с садом, пока в декрете сидела – нужно было чем-то заниматься, вот я и занималась... Я понимаю, странно звучит – анестезиолог и вдруг...

– Да почему же? Наоборот, интересно. Когда вы только время находите для такого хобби?

– Ну сейчас-то я только тут, в клинике, цветы высаживаю, квартира в обычном доме, – пожала плечами Калмыкова, и в ее лице вдруг мелькнуло что-то странное.

– Жалее, что из столицы уехали?

Она снова пожала плечами:

– Не особенно. Здесь все-таки родной город...

– Мне кажется, я вашего отца знала.

– Все может быть. Он работал в больнице скорой помощи, заведовал приемным отделением.

Я почему-то вдруг сразу вспомнила Алексея Максимовича Калмыкова – высокого, сухощавого, с тяжелым профилем и кустистыми бровями. Он всегда так стремительно передвигался по коридору отделения, что полы его халата летели сзади как крылья, и я отчетливо помнила этот момент. Калмыков умер лет семь назад от инфаркта прямо на работе.

– Странно, что я раньше об этом не вспомнила.

– Может, оно и к лучшему, – с грустной улыбкой отозвалась Инна. – Мне вот сегодня дочь заявила, что быть Калмыковой в нашем городе – наказание, особенно если учишься в медицинском институте.

– Подозреваю, что Галина Григорьевна Ганченко особенно придирчива? – предположила я и не ошиблась – Инна кивнула:

– А то... да вы наверняка тоже через это прошли, как и я.

– Наверняка! – заверила я и даже поежилась, вспомнив Три Гэ, как мы называли заведующую кафедрой неорганической химии. К детям врачей она придиралась с такой силой, что редкий из нас сдавал проклятую неорганику с первого раза, и меня эта участь тоже не обошла.

– Я не понимаю, как у Майи Михайловны могла получиться такая бестолковая дочь! – негодовала Ганченко, с видимым удовольствием выставляя мне в зачетку неуд.

Я рыдала всю дорогу домой, потому что зубрила билеты неделю, просыпаясь ночами в холодном поту, а в итоге получила два дополнительных вопроса из курса для специалистов химической отрасли, а вовсе не медицины, на чем и засыпалась.

Мама, кстати, отнеслась к этому совершенно спокойно и даже равнодушно:

– Ганченко просто ненавидит тех, у кого есть дети. Это нам она мстит, а вовсе не вам, потому что своих у нее нет, она всю себя посвятила преподаванию, а мы вроде как отвлекались от медицины, чтобы потомством обзавестись, такая вот странная логика. Не обращай внимания, пересдашь.

Я действительно пересдала, но Галина Григорьевна, выходит, все еще преподавала и продолжала тихо гнобить детей из медицинских династий – ничего не поменялось.

– Как вам работаете, Инна Алексеевна? – спросила я, когда мы уже подошли к административному корпусу.

Калмыкова пожала плечами:

– Хорошо. В принципе, если знаешь работу, то место ведь не так важно... – И тут она как-то съежилась, словно спохватившись, что сказала лишнее, забормотала, глядя на выложенную брусчаткой дорожку: – То есть... я имела в виду, что... в общем...

– А вы правы, Инна Алексеевна, – прервала я. – Когда человек профессионален, то работа у него на первом плане, а потом уж все остальное. У вас операции сегодня?

– Да! – с облегчением выдохнула она. – С Мажаровым и с Авдеевым.

– Отлично. Тогда не буду задерживать, готовьтесь к обходу.

Мы уже вошли в здание, и Калмыкова побежала направо, к лестнице, ведущей в гардероб, а я поднялась к себе в кабинет.

Чем-то она меня настораживала, эта маленькая женщина с короткой стрижкой и вечно испуганными глазами. Мне постоянно казалось, что Калмыкова оглядывается, даже когда идет по коридору с кем-то из коллег, словно ждет нападения. Но я видела, какой она становится в операционной, когда дает наркоз и потом следит за состоянием пациента на столе – это была совершенно другая Инна, собранная, четкая, без единого лишнего движения. В последнее время Матвей полюбил работать с ней и все чаще просил поставить ему анестезиологом Калмыкову, а уж мой муж умел ценить профессиональные качества.

Но меня все равно не покидало это странное чувство, которое я испытывала всякий раз при взгляде на Инну Калмыкову.

Надо все-таки с Иващенко поговорить еще раз, вдруг я что-то упустила. После случая с Полиной Ненашевой я стала опасаться всякого рода странностей у своих врачей – в последнее время в моей клинике и так происходит слишком много, и ставить под удар репутацию, а то и вовсе лицензию я не собиралась. Лучше перестраховаться, чем потом опять разгребать последствия.

Семен

Миновав лесной массив, он уперся в огороженную территорию со шлагбаумом. Пришлось показать паспорт и потом минут десять ждать, пока охранник выяснит, можно ли впустить странного человека на мотоцикле, представившегося хирургом Кайзельгаузом. Наконец шлагбаум поплыл вверх, а охранник, высунувшись из окошка, объяснил, как добраться до гостевой парковки.

– Сильно только не газуйте, здесь все же клиника, – предупредил он, и Семен кивнул.

Территория клиники оказалась огромной, с парком, двумя парковками, множеством беседок и каких-то аллей. Три больших здания, в центральное из которых, административный корпус, ему и нужно было попасть, располагались полукругом, но находились довольно далеко друг от друга, и Семен подумал, что наверняка их соединяет подземный переход, потому что других он не увидел.

«Здесь, наверное, зимой тихо совсем, – подумал он, паркуя мотоцикл и убирая шлем в бардачок. – Далековато, конечно, но место мне нравится. Интересно, как еще примут...»

Он слышал, что Аделина Драгун отбирает персонал по какой-то ей одной понятной системе, но всегда берет врачей только с высокой квалификацией, а его достижения в области пластической хирургии пока были весьма скромными. Но возможность поработать и поучиться рядом с такими профессионалами, как Матвей Мажаров, например, очень Семена вдохновляла. Он знал, что способности у него есть, пусть, может, и не такие выдающиеся, как у отца, но хирургом Семен был хорошим, это признавали все. Все, кроме Кайзельгауза-старшего, разумеется.

«Было бы хорошо здесь остаться, – он шел по дорожке к административному корпусу и с каждым шагом понимал, что это место словно создано для него – ему тут стало спокойно, как давно не было нигде, даже дома. – Я бы смог реализовать то, что всегда хотел, и перестать из кожи вон лезть, доказывая отцу, что я не хуже. И потом – только тут я смогу заниматься тем, что мне интересно по-настоящему, а не стоять у стола вторым номером под строгим взглядом всезнающего папеньки».

В просторном холле его встретила девушка в голубом костюме, представилась Аллой и провела на второй этаж, где находился кабинет владелицы клиники.

– Вы пока вот тут располагайтесь, – предложила она, указав на диван. – Аделина Эдуардовна в курсе, что вы приехали, сейчас закончит с поставщиком и пригласит вас.

Семен неопределенно кивнул и опустился на диван, а девушка зашла за высокую стойку и уткнулась в компьютер, быстро набирая что-то на клавиатуре.

Пока его не пригласили в кабинет, Семен рассматривал приемную. Ничего лишнего, никаких раздражающих моментов, никаких дипломов, сертификатов и прочего, что так любят вывешивать на обозрение в платных клиниках. Здесь на стенах висела пара спокойных пейзажей в почти незаметных рамах – и больше ничего.

За стойкой у Аллы раздался какой-то мелодичный звук, она нажала кнопку и негромко сказала:

– Да, он уже здесь, Аделина Эдуардовна. Проходите, Семен Борисович, – это относилось уже к нему, и Кайзельгауз поднялся, почему-то испытывая волнение.

Ему уже не хотелось уходить отсюда, и теперь только от того, какое впечатление он произведет на владелицу клиники, зависит исход всего дела.

«Что это я так разнервничался? – удивленно подумал Семен, кладя руку на дверную ручку. – Как барышня перед свиданием, ей-богу...»

За столом сидела худощавая блондинка с тонким носом и глубоко посаженными глазами, сразу окинувшая Семена быстрым изучающим взглядом с головы до ног:

– Семен Борисович? Проходите располагайтесь, – она указала на стул напротив себя. – Меня зовут Аделина Эдуардовна Драгун, я владелица этой клиники. Хотелось бы познакомиться ближе, прежде чем я приму решение о вашем контракте.

Семен сел, сложил перед собой на столе руки и заметил, как Драгун на них посмотрела.

«Если надеялась, что затрясутся от ее ледяного приема – так нет, я уже не мальчик, чтобы от подобного в трепет приходить».

– Насколько я поняла, вы в данный момент работаете в институтской клинике под руководством своего отца, профессора Кайзельгауза, все верно? – Драгун надела очки в красной оправе и взяла какой-то лист, испещренный мелким печатным текстом.

– Да, верно. Но я уже четыре года занимаюсь пластической хирургией, окончил курс в Москве.

– Но большой практики не имели?

– К сожалению, нет.

– А область какая?

– Реконструктивная хирургия молочной железы.

– Но вы же абдоминальный хирург? – снова глянув в листок, уточнила Драгун.

– Да, но хирургия органов брюшной полости увлекает меня куда меньше.

– Я понимаю. Всегда хочется чего-то наглядного, верно?

– Нет, дело не в том. Мне просто хочется работать в другой области, – Семен почему-то решил не кривить душой и сразу выложить все карты.

Драгун сняла очки, сунула дужку в рот и долго молчала, изучающе глядя на него.

– А ведь я и это понимаю, Семен Борисович. Тяжело быть вторым номером у отца?

Семен невольно вздрогнул, но быстро взял себя в руки:

– Честно? Я хочу делать что-то свое, а не идти по пути отца.

– Сравнивают?

– Да.

– Ну насколько я слышала, вы мало в чем уступаете профессору.

– Не знаю, – уклонился он. – Но делать хочу что-то другое.

– Я тоже хотела делать не то, что моя мать, – вдруг сказала Драгун, откладывая очки. – Нам, детям гениев, всегда приходится работать больше остальных, чтобы не затеряться в тени великих родителей и их достижений. И самое правильное – делать что-то другое, идти в иную область.

Семен вдруг вспомнил, что мать Аделины, Майя Михайловна Драгун, была выдающимся хирургом, преподавала в институте, имела ряд научных работ и считалась специалистом высочайшего класса. Должно быть, Аделине тоже пришлось нелегко в свое время, и Семен это понимал, как, может, не понял бы кто-то другой.

– В общем, Семен Борисович, я вас беру на испытательный срок – так у нас положено, – произнесла меж тем Драгун. – И еще. Вам предстоят беседы с нашим психологом Иваном Владимировичем Иващенко, это обязательное условие. Я принимаю окончательное решение, основываясь на его выводах тоже. Психологический климат в коллективе мне очень важен, я должна понимать, что вы из себя представляете не только как хирург – тут я сама определяюсь, но и как человек, и это в компетенции психолога. Если вы возражаете против такого подхода, давайте сразу прощаться и не отнимать время друг у друга.

Семен пожал плечами – условие о разговоре с психологом его не обескуражило, а желание работать здесь только окрепло, он вдруг почувствовал в Аделине родственную душу, что ли, и это только укрепило его в мысли, что его место здесь.

– Я не вижу в этом проблемы, – сказал он, и Драгун, свернув листок вчетверо, бросила его в ящик стола:

– Тогда завтра в семь тридцать в ординаторской лечебного корпуса. Алла вам покажет, выдаст пропуск и объяснит, как тут у нас все устроено. Встретимся на обходе.

Семен понял, что собеседование окончено, и поднялся:

– Спасибо за шанс, Аделина Эдуардовна.

– Надеюсь, вы его используете, – холодные глаза опять скользнули по нему, и Кайзельгауз поежился, но неприязни при этом не испытал. – До завтра, Семен Борисович.

– До завтра.

Он вышел из кабинета и вопросительно взглянул на тут же вышедшую из-за стойки Аллу.

– Ну что, испытательный срок? – спросила она, и Семен кивнул. – Тогда идемте гулять по клинике. Ой, только давайте сразу пропуск сделаем, чтобы вам уже сюда не возвращаться. Мне нужен номер машины.

– У меня мотоцикл.

Алла удивленно вскинула брови:

– А зимой?

– И зимой, – пожал плечами Семен. – Какая разница?

– Так холодно же.

– Я привык.

– Ну мотоцикл так мотоцикл, – согласилась она и вбила в компьютер данные. – Вот ваша карточка. Парковка для персонала у нас в другом месте, не там, где вы сегодня остановились, я покажу. Карточку необходимо всегда держать при себе, охрана вас, конечно, запомнит через какое-то время, но пропуск будет требовать всякий раз – такое правило, даже Аделина Эдуардовна каждый раз показывает, а уж ее-то все знают.

– У вас тут, смотрю, для всех равные условия?

– Да, – подтвердила Алла. – У нас нет разницы между санитарками, работниками пищеблока или владелицей клиники. Такой подход. Потому и персонал практически не меняется. Я, например, с открытия работаю, и даже мыслей не возникало куда-то уйти.

– Странно, что у вас лицо абсолютно натуральное, – заметил Семен, шагая рядом с Аллой по коридору.

– Почему странно?

– Обычно женщины, имея возможность что-то исправить, обязательно ею пользуются.

– А вы считаете, что мне нужно что-то исправлять? – слегка обиделась она.

– Нет, но... Даже когда нечего исправлять, а есть доступ...

– Глупости какие-то. У нас на операцию просто так не попадают, все через психолога. И если он видит, что операция – не необходимость, а бабья дурь, то ни за что не подпишет разрешение, а врачи без него не возьмут, такие правила.

Семен удивился. Ему казалось, что клиники пластической хирургии берут всех желающих, лишь бы деньги несли, а тут, оказывается, все через психолога – и пациенты, и персонал.

– А вы, Алла, тоже с психологом собеседование проходили?

– А как же? Конечно. Только тогда здесь другой психолог был, он погиб потом. Но Иван Владимирович не хуже, он очень хороший и очень знающий. Вы его не бойтесь, – добавила Алла, и Семен рассмеялся:

– Похоже, что меня может запугать психолог?

Алла фыркнула:

– Вас? Вряд ли. Да и габаритами Иван Владимирович вам явно уступает.

– Надеюсь, мне не придется бороться с ним на руках.

Алла расхохоталась, слегка запрокинув голову:

– Ой, не надо! Он нам здоровый нужен.

Экскурсия по клинике прошла непринужденно, Алла показывала какие-то важные места, попутно объясняя, как быстрее добраться, сводила Семена в кафетерий в корпусе реабилита-

ции, показала, где операционные, процедурные и прочие кабинеты, а также ординаторская, где в момент их появления никого не было.

– Операционный день, – объяснила Алла. – А кто не на операциях, те на перевязках. Кстати, у нас здесь врачи рано приезжают, чтобы успеть до обхода всех своих больных посмотреть.

– Я это учту, спасибо.

– Во время дежурств можно отдыхать вот тут, – она толкнула следующую дверь и показала просторную комнату с кроватями, застеленными свежим бельем. – Если случается что-то экстренное, сестры всегда знают, где найти врача.

– А экстренное случается?

– Очень редко. Но иногда, например, могут привезти кого-то по скорой – это по договоренности с Аделиной Эдуардовной, она тогда звонит и предупреждает или едет сюда сама.

– Смотрю, начальница ваша работой не гнушается, да?

– Она едва ли не больше остальных работает, – как-то посуровела Алла, словно готовясь защищать Драгун. – Разве что Матвей Иванович... А сейчас, когда заместитель ее, Васильков, на больничном опять, она все на себе везет – и административное, и операции свои.

– Ну уж операции-то могла бы раскидать, – заметил Семен.

– Она только в экстренных случаях больных отдает, и то только Мажарову. Ну ничего, завтра уже Васильков выходит, всем будет полегче.

– Мажаров ведь ее муж?

– А вы бабка-сплетница?

Семен смутился – вышло действительно не очень красиво.

– Ладно, не краснейте, – пожалела его Алла. – Да, Мажаров ее муж, это не секрет. Но Аделина Эдуардовна считает его лучшим хирургом клиники, даже лучшим, чем сама, а уж она-то... – Алла устремила взгляд в потолок, давая понять, что Драгун величина, каких поискать.

– Редкое качество для женщины – признать кого-то лучшим, чем она сама.

– Ну не мне судить, я не врач. Но все говорят, что у Матвея Ивановича руки золотые. Он же уходил из хирургии, преподавал в институте, но Аделина Эдуардовна его вернула, потому что нельзя, чтобы человек с таким практическим талантом зарывался в бумажную работу.

– Но учить ведь тоже кто-то должен.

– Знаете, что я думаю? Учителей полно, а хороших хирургов, видимо, не столько. Потому Аделина Эдуардовна так настаивала, чтобы он вернулся в операционную.

– Вы правы, Алла... учителей полно, – задумчиво повторил Семен, вспомнив отца. – А иногда хорошие хирурги гонятся за регалиями и должностями, забывая, зачем они вообще в медицину пришли. И становятся посредственными учителями.

Алла внимательно посмотрела на него, но ничего не сказала.

В целом, покидая территорию клиники и показывая на воротах пропуск уже с ощущением полноценной принадлежности к этому месту, Семен остался доволен и не разочарован. Завтра познакомится с будущими коллегами, оглядится, что и как устроено в плане рабочего процесса, а там, глядишь, все пойдет как надо – операции, перевязки, выписки. Он будет делать то, что давно хочет, там, где над ним не будет висеть тяжелая отцовская тень, закрывая собой весь горизонт.

Инна

В операционной она всегда чувствовала себя легко и свободно, порой даже лучше, чем в собственной квартире. Здесь Инна делала то, что умела и любила, то, чему долго училась и в чем совершенствовалась. Ей нравилось наблюдать за работой хирургов, сидя на своем месте у изголовья больного, нравилась четкая слаженность команды, которую собирал у стола Мажаров. Здесь все были на своих местах, все знали каждый свой шаг и шаг своего напарника, и все это вместе давало ощущение единого организма, привычно выполняющего сложную работу. Инна ощущала себя частью этого организма и была счастлива, что уровень ее навыков соответствует высоким требованиям главного хирурга.

Матвей Мажаров был немногословен, корректен, вежлив со всеми – от санитарки до владелицы клиники, ничем не подчеркивая, что Аделина его жена. На работе они выглядели как коллеги, не более, но иногда Инна вдруг невзначай ловила взгляды, которыми они обменивались, и ей становилось самую капельку завидно – эти двое совершенно очевидно любили друг друга и ни на секунду друг о друге не забывали.

«Наверное, мама права и мне еще не поздно как-то устроить личную жизнь, – иногда думала Инна, возвращаясь с работы в квартиру, где ее ждал только сын. – Сколько еще я буду жить одна? Алина уже взрослая, вот-вот из дома уйдет, что я с этим смогу поделать? Это ведь даже неправильно – удерживать ребенка рядом с собой. Даня тоже вырастет, ему уже восемь. И что потом? Мне скоро сорок, а что я видела в жизни?»

Но всякий раз она отгоняла от себя подобные мысли – нет, ей нужно сперва поставить на ноги детей, а потом уж, если останется время, заниматься собой. Инна понимала, что, скорее всего, этого времени у нее никогда не будет, но что теперь поделаешь... Видимо, такова уж ее судьба – остаться одной.

– Инна Алексеевна, и сами просыпаемся, и клиентку начинаем будить, – всплыл в ее сознание голос хирурга, и Инна встрепенулась, встала с крутящейся табуретки:

– Извините, Матвей Иванович, я задумалась.

– Да я понял. Мы закончили.

– Я провожу клиентку в палату и принесу протокол, – пробормотала сконфуженная Инна – никогда прежде с ней такого не случалось, чтобы буквально выпасть из операции, задумавшись о чем-то отвлеченном.

– Не торопитесь, я сегодня дежурю, так что время у меня есть, – сказал Мажаров, выходя из операционной.

Инна знала, что он остается дежурить всякий раз, когда оперирует сложного пациента, чтобы избежать осложнений и самому видеть ход первых часов после операции. Но сегодня они оперировали жену мэра, тут не было ничего сложного – блефаропластика, но Мажаров, видимо, решил перестраховаться.

Она проводила клиентку в палату, там еще раз измерила давление и пульс и пошла в ординаторскую, на ходу проверяя телефон. Звонков не было. Инна вздохнула и сама набрала номер дочери, но Алина трубку не снимала.

«Или не слышит, или занята», – обнадежила себя Калмыкова, отлично, однако, понимая, что, скорее всего, дочь просто спит и из дома ускользнет к тому моменту, когда должна будет вернуться мать.

Инна представления не имела, как справиться с совершенно вышедшей из-под контроля Алиной. Та всегда была с характером, но сейчас превратилась в неуправляемое нечто, не имеющее ни определенных желаний, ни четкой цели в жизни. Где бывает дочь, с кем общается, Инна не знала – Алина перестала делиться с ней своими секретами сразу после переезда сюда, и, как мать ни пыталась наладить прежнее общение, ничего не получалось.

«В какой момент все пошло не так? – мучилась Инна. – Когда, где я ошиблась, в чем? Ведь раньше она бежала ко мне с любой мелочью, с каждой пустяковой детской проблемой... теперь же я даже не знаю, дружит ли она с кем-то, какие у нее увлечения, есть ли молодой человек. Я упустила что-то важное, какую-то деталь, из-за которой все разрушилось».

– Инна Алексеевна! Инна Алексеевна, скорее! – вырвал ее из раздумий голос медсестры Любы, и Инна развернулась:

– Что случилось?

– Скорее, пожалуйста! Там клиентке плохо.

– Какой клиентке? – с упавшим сердцем переспросила Инна, уже заранее зная ответ и от этого внутренне холодея.

– Той, что привезли из операционной. Я Матвеем Ивановичу не могу дозвониться, – задыхаясь, выпалила Люба, открывая Инне дверь в палату.

– Не надо ему звонить, я сама, – бросила Калмыкова, сдергивая с шеи фонендоскоп.

Клиентка выгибалась на кровати в судорогах, тяжело дышала и хрипела.

– Люба, фиксируйте голову, пожалуйста, только осторожно, чтобы повязку не повредить, – распорядилась Инна. – Наталья Андреевна, успокойтесь, сейчас все будет в порядке, – она приложила фонендоскоп к груди клиентки – тахикардия. – Вы меня слышите? С вами раньше подобное случалось?

– Н-нет... нет... – просипела клиентка, и Инна вдруг с ужасом увидела, что ее кожа начинает синеть, а горло распухает буквально на глазах.

– Люба, противошоковую аптечку, срочно! – крикнула она, и медсестра выскочила в коридор, а Инна вдруг испугалась.

Она не могла вспомнить, какой препарат вводила клиентке последним, что именно могло вызвать анафилаксию. Измерила давление – низкое, руки клиентки вдруг стали какими-то ватными, слишком вялыми и податливыми, как у тряпичной куклы, дыхание стало еле слышным.

Вернулась Люба с аптечкой, Инна быстро ввела воздуховод, набрала адреналин, сделала подкожную инъекцию.

– Люба, нужно еще ввести капельно, – она назвала дозу, и медсестра принялась собирать систему для внутривенного введения.

Грудная клетка клиентки стала двигаться более спокойно и равномерно, давление чуть повысилось, и Инна испытала облегчение – вывести из шока она ее успела, но вот что теперь говорить Мажарову? Она чувствовала, что где-то ошиблась, и такое было с ней впервые.

– Люба, нужен кислород.

– Да, я сделаю, Инна Алексеевна, – кивнула та, ловко вводя в вену систему для переливания. – Воздуховод уберете?

– Да, сейчас... – Инна убедилась, что клиентка нормально дышит, убрала трубку. – Наталья Андреевна, как вы себя чувствуете?

– Голова... кружится... – простонала та.

– Это пройдет.

– Что со мной?

– У вас, по всей видимости, аллергия на какой-то из препаратов, но вы об этом могли ничего не знать, – уклонилась Инна, совершенно четко понимая, что в этом ее вина. – Мы разберемся, и я потом подробно все вам расскажу. А сейчас вам нужно отдохнуть.

Она проследила за тем, как Люба надела на клиентку кислородную маску, и вышла из палаты, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, чувствуя, как задрожали ноги.

«Как я могла?! Что я упустила, в какой момент?! Надо срочно записи поднять, все равно протокол писать... Черт возьми, ну почему именно она?»

По коридору быстрыми шагами приближался Мажаров – даже без халата, в хирургическом костюме, видимо, кто-то все-таки вызвал.

– Что случилось, Инна Алексеевна? – обеспокоенно спросил он.

– Анафилактический шок. Но уже все... я провела противошоковые мероприятия, сейчас клиентка на кислороде и на дозе адреналина капельно, – пробормотала Инна, не сумев окончательно взять себя в руки.

– Чем вызван шок?

– Пока не понимаю...

– Вы что – не помните, что вводили?

– Почему... помню, – пробормотала она, опустив глаза и чувствуя себя школьницей, застигнутой за чем-то запрещенным.

– Тогда назовите, – потребовал Мажаров.

– Но ведь... трудно определенно сказать... это мог быть антибиотик, его вводили накануне операции...

– Это слишком отсроченные последствия! – перебил он. – Антибиотик вводился в шесть утра, сейчас половина второго, слишком долго для реакции немедленного типа.

– Тогда выходит, это что-то из препаратов для наркоза. Но клиентка могла не знать об аллергии. И я могла этого не знать, соответственно.

Мажаров сверху вниз посмотрел на нее.

– То есть вы не спросили?

– О чем? Об аллергии на наркотизирующие препараты?

– Об аллергии вообще, Инна Алексеевна!

– Я не помню... надо смотреть карту.

Мажаров раздраженно махнул рукой:

– Через полчаса жду вас с картой клиентки в кабинете Аделины Эдуардовны, – он отстранил Инну и вошел в палату, а Калмыкова почувствовала, что вот-вот заплачет.

Такое случилось с ней впервые – чтобы допустить оплошность, едва не повлекшую смерть клиентки, да еще и не помнить, как именно такое могло произойти. Калмыкова всегда проверяла и перепроверяла свои записи перед операцией, чтобы избежать вот таких ситуаций, но сегодня с самого утра все шло не так.

«Нельзя, нельзя приносить свои проблемы на работу! – ругала себя Инна, шагая по коридору в ординаторскую. – Папа всегда говорил – перешагнула порог больницы, и все – ты не мать, не жена, не дочь, ты – врач, забудь обо всем, что у тебя происходит за стенами. А я в последнее время слишком часто отвлекаюсь на Алину, на Даню, на... а, да что там! Мне нет оправданий, это же понятно. Драгун запросто выставит меня на улицу и будет права – я поставила под угрозу жизнь клиентки и репутацию клиники. Да еще и клиентка – жена мэра, ну вот как такое происходит в один момент?»

В ординаторской ее встретили сочувственными взглядами, но Инна, низко наклонив голову, прошмыгнула к своему столу и сразу уткнулась в монитор, открыв карту клиентки. Разговаривать с коллегами не хотелось совершенно, да и что она могла сказать? Оправдываться? Любой из них мог оказаться на ее месте... Или – не мог? Она проявила халатность, да что там – допустила чудовищную ошибку и теперь даже не могла понять, какую именно.

– Игорь Александрович, – обратилась она к Авдееву, – вам придется сегодня работать с другим анестезиологом, у меня сейчас разбор с шефинею и Мажаровым.

Авдеев только пожал плечами – он уже, видимо, успел передать все данные клиента Сергею Маликову – тот работал в клинике давно и считался начальником Инны.

– Удачи, Инна Алексеевна, – сказал Филипп Басалаев, выглядывая из-за своего монитора.

– Она мне точно пригодится, – пробормотала Инна, забирая с принтера распечатку протокола и предоперационного осмотра.

Строка об аллергии была пуста, это сразу бросилось Калмыковой в глаза – она действительно вчера не спросила у клиентки об этом.

В ординаторскую в этот момент вошел Маликов и сразу направился к ее столу, протянул руку:

– Дай я посмотрю.

Инна протянула ему лист, и Маликов, конечно, тоже сразу увидел пустую графу.

– Ты как так налажала-то, Инка? – укоризненно покачав головой, спросил он. – Там Мажаров злой как черт...

– Еще бы – жена мэра...

– А не в том дело. Будь это кто угодно – он бы злился так же, и я, представь, сейчас его хорошо понимаю, – Маликов помахал перед ее лицом листком. – Ну придумывай, что будешь говорить, больше я выхода не вижу.

Инна тяжело вздохнула, собрала все бумаги и вышла из ординаторской, направляясь к лестнице в переход между корпусами.

Аделина

После разговора с Кайзельгаузом у меня осталось очень приятное впечатление и какая-то ностальгия, вызванная, видимо, его словами об отце. Наверное, никто, чьи родители не работали в той же области и не были успешными и признанными, не сможет понять этих чувств.

Мне было чуть легче потому, что я женщина, мы все-таки немного иначе воспринимаем подобные моменты, да и мать никогда не стремилась видеть меня рядом с собой в операционной. Наоборот, она всячески отговаривала меня и не подталкивала к выбору профессии, считая неспособной и ни на что особенно не годной.

Семену же досталось, очевидно, по полной программе. Его отца, Бориса Исаевича Кайзельгауза, я знала довольно неплохо, и это был тот еще субъект. Самовлюбленный, холерный, с завышенной самооценкой, он всегда появлялся в отделении, где оперировал, с пафосом и громким говором, как будто считал хорошим тоном орать в коридорах, и его совершенно не смущало, что в палатах находятся пациенты после тяжелейших операций, выполненных его коллегами.

Кстати, сам Борис Исаевич в последнее время практически не брался за сложные или сомнительные случаи, находил тысячи причин для отказа и передачи такого пациента кому угодно. Я подозревала, что он просто-напросто опасался негативных исходов, чтобы не испортить себе репутацию блестящего хирурга. Он на самом деле когда-то таким и был, просто сейчас уже и возраст, и новые технологии, овладевать которыми ему становилось все труднее. И сын пригодился ему для этого как нельзя более кстати, и можно было продолжать поучать его, делая вид, что проверяешь знания и квалификацию.

На самом же деле, по отзывам коллег, как следовало из небольшого досье, собранного для меня Аллой, Семен Кайзельгауз-младший был отличным хирургом, может, не выдающимся, но уж точно не заурядным, он обладал быстрым и четким мышлением, хорошей реакцией и уверенными, твердыми руками. И те же коллеги кулуарно поделились с моим референтом мыслью о том, что отец нарочно принижает способности сына, чтобы удержать возле себя, сделать зависимым, пошатнуть уверенность в том, что Семен сможет добиться чего-то самостоятельно.

Нет, мне в этом смысле с матерью повезло, она никак не комментировала мои успехи или неудачи, не влезала в мою работу – вообще не интересовалась тем, как и что у меня происходит. И вот за это я сейчас, сравнив наши с Семеном истории, была очень благодарна, хотя раньше обижалась. Нет, мама все сделала правильно – она научила меня выбирать свой путь и следовать ему, а не ждать, что великая Майя Михайловна придет, протянет руку и все решит за меня. Все, чего я достигла в медицине, было моей личной заслугой, а вовсе не отголоском фамилии Драгун.

Мне очень хотелось, чтобы Семен Кайзельгауз-младший остался работать в моей клинике, я чувствовала, что он для нее создан, что ему хочется делать что-то свое, что он будет стремиться к чему-то новому, и это для меня значило куда больше, чем всякие характеристики. Теперь бы еще Ивашенко дал ему положительную оценку – и можно выдохнуть, хирургов у меня будет ровно нужное количество.

Дверь кабинета распахнулась без стука, и на пороге появился Матвей. Я, подняв глаза от счета-фактуры, который собиралась подписать, вдруг увидела выражение лица мужа... Он был весь белый, разъяренный – таким я Матвея не знала.

– Что-то случилось? – осторожно поинтересовалась я, и Матвей, плотно закрыв дверь, рывкнул шепотом, чтобы не услышала Алла в приемной:

– Мы чуть жену мэра не угробили только что!

– В каком смысле? – мне почему-то показалось, что Матвей шутит, уж не знаю, с чего я так решила.

– Анестезиолог не собрала нормальный аллергологический анамнез, и клиентка выдала анафилактический шок после операции.

Я встала:

– Что предприняли?

– Успокойся, там все уже нормализовалось, к счастью, Калмыкова не успела уйти из отделения, провела мероприятия, оставила клиентку на кислороде и адреналине пока. Но ты только подумай, что могло произойти?! – Матвей плюхнулся на диван и посмотрел на меня, ожидая реакции.

– Ну не произошло ведь, справились?

– Деля... ты серьезно? Не могу поверить.

– Матвей, я с тобой согласна, надо разобраться и выяснить, что произошло. Но вот так реагировать – не надо.

– Если ты считаешь, что моя реакция связана с положением ее мужа... – начал Матвей, но я перебила:

– Не говори ерунды. Я прекрасно знаю, что ты точно так же реагировал бы на инцидент с любым клиентом, и мэрское кресло тут вообще ни при чем. Но, Матвей, согласись – все бывает. Да, это вопиющий случай, мы его подробно разберем и постараемся сделать так, чтобы подобное не стало системой. Но ты должен успокоиться и оценить ситуацию адекватно и без эмоций.

– Калмыкова придет сюда с протоколом и картой минут через десять. Надеюсь, у нее хватит ума записи не подделывать.

– Перестань, Матвей, – поморщилась я, открывая настежь окно. – Не хватало еще начать подозревать сотрудников невесть в чем.

– А что ты вообще знаешь об этой Калмыковой? – вдруг спросил муж, и я резко развернулась в его сторону:

– Ты о чем?

– Ну вот кроме того, что она рассказывает всем?

– Матвей, это не мне, это тебе пора в отпуск. Послушай только, что ты говоришь, это же возмутительно.

– А что тебя возмущает в моих словах? То, что мы практически ничего не знаем об этой Инне Калмыковой? Обо всех знаем – а о ней нет?

– Человек имеет право не говорить о личной жизни на работе – что в этом ненормального, я не пойму?

Матвей покачал головой, сложил на груди руки и умолк, глядя куда-то перед собой. Я почувствовала, как сильно он раздражен произошедшим с его клиенткой – ведь, как ни крути, вся ответственность ложится на него как на оперирующего хирурга и лечащего врача. Но при чем тут личная жизнь Инны Калмыковой? Матвею вообще никогда не было дела до того, чем живут и дышат сотрудники клиники вне ее стен, а тут вдруг...

– Матвей, что-то случилось?

– Случилось, – кивнул он, – но я не придаю этому значения, решил, что это все неважно, просто чьи-то сплетни. А надо было сразу с тобой об этом поговорить.

– Да о чем?! – я начала терять терпение.

– Я тут получил письмо, в котором сказано, что Калмыкова не сама уволилась с предыдущего места работы, а ее уволили за халатность.

– Но у нее нормальная трудовая книжка, что за ерунда?

– Я в тот момент тоже так подумал, а теперь считаю, что ты должна устранить Калмыкову от работы и навести справки о причинах ее увольнения.

Я поморщилась. Никогда не могла даже представить, что мой муж вдруг начнет какую-то охоту на ведьм из-за случая, который мог произойти с кем угодно – достаточно просто запа-

риться и пропустить графу «аллергия», такое иной раз происходит, что уж греха таить. Да, в одном случае из ста бывает так, как сегодня. А вообще... Собрать аллергологический анамнез должен был принимавший ее врач, а Матвей, как лечащий, еще и уточнить был должен. Ну и кто виноват?

Начать подозревать анестезиолога в нечестности и – тем более – подделке документов я считала неправильным. Но спорить с Матвеем сейчас тоже не хотелось.

– Давай поступим так, – как можно мягче произнесла я, садясь на подлокотник дивана рядом с Матвеем, – когда придет Калмыкова, все подробно разберем, ты пойдешь в ординаторскую, а я попытаюсь поговорить с ней сама. И позже вызову Иващенко, вдруг он что-то мне не сказал.

– Делай как знаешь, – отмахнулся Матвей, – тебя ведь все равно не переупрямишь.

Я погладила его по плечу, обтянутому хирургическим костюмом:

– Не волнуйся, я во всем разберусь. А ты сейчас, пожалуйста, постарайся держаться в рамках, хорошо? Обвинить человека легко.

Муж неопределенно мотнул головой, и я поняла, что он уже думает о чем-то другом, привыкнув доверять мне в вопросах, касавшихся персонала. Вот и отлично, ему сегодня еще лекцию читать, он должен отдохнуть и настроиться.

В дверь постучали, и на пороге возникла Алла.

– Аделина Эдуардовна, к вам доктор Калмыкова.

– Пусть проходит, – я переместилась за стол, а Матвей, поднявшись и размяв плечи, устроился на углу, отодвинув стул и развернув его боком.

Калмыкова вошла уверенной походкой человека, которому нечего бояться в кабинете начальницы, это мне понравилось, потому что в глазах ее я заметила легкую панику. Но она умела держать лицо и хотя бы делать вид, что спокойна и не волнуется.

– Присаживайтесь, Инна Алексеевна.

Она расположилась напротив Матвея, положила перед собой распечатанную карту клиентки.

– Я понимаю, что допустила чудовищную оплошность... даже не знаю, как такое могло произойти.

Матвей вытянул карту у нее из-под руки и быстро пролистал.

– В протоколе ничего необычного.

– Да! Потому что в ходе наркоза ничего необычного и не было! – с каким-то даже вызовом ответила анестезиолог. – Я проводила клиентку в палату, еще раз измерила показатели – там написано, что все было в пределах нормы. Но буквально через пару минут после того, как я ушла из палаты, у нее начался отек гортани. При помощи палатной сестры мне удалось приступ купировать, сейчас с клиенткой все в порядке, я захожу перед тем, как идти сюда. Чем могла быть вызвана такая реакция, я не знаю. Про аллергию я спросила, когда клиентка смогла говорить – аллергики обычно знают, что вызывает у них реакцию. Так вот... она не назвала ничего вообще – ни препаратов, ни продуктов.

– Инна Алексеевна, вы не волнуйтесь так, – попросила я, заметив, что с каждым словом Калмыкова начинает говорить все громче и вот-вот сорвется в истерику. – Вас никто ни в чем не обвиняет. Мы хотим просто разобраться ситуацию и понять, что именно произошло, а не устроить судилище. Это нормальная практика в клинике – разбирать каждый случай. Я выслушала ваше мнение, посмотрю протокол и подумаю, как нам избежать подобного впредь. И что делать с клиенткой сейчас, – я протянула руку и взяла у Матвея карту. – Матвей Иванович, у вас есть вопросы?

– У меня не вопрос, а небольшое замечание, если позволите. Мне, Инна Алексеевна, сегодня показалось, что вы с самого утра довольно рассеянны и невнимательны, – сказал Матвей, сложив на столе руки и глядя на них. – Так вот. Если подобное я замечу еще раз, к моему

столу вы больше не встанете. Прошу понять меня правильно и не обижаться. Я привык, что моя бригада не нуждается в контроле, а с вами, вижу, это не работает.

Калмыкова вспыхнула, выпрямилась:

– Вы ошибаетесь, Матвей Иванович. То, что произошло сегодня, больше не повторится. Я умею отделять личное от рабочего.

– Я очень на это надеюсь, – Матвей поднялся. – Мне пора в институт.

Он вышел из кабинета, и, как мне показалось, Калмыкова постаралась скрыть вздох облегчения.

– Инна Алексеевна, вы на доктора Мажарова не обижайтесь, потому что он прав. Если у вас какие-то сложности дома, могу предоставить вам отпуск для их решения, но приносить это в операционную не советую.

Я почувствовала, что попала в какое-то больное место словами о сложностях – Калмыкова снова напряглась и энергично затрясла головой:

– Нет-нет, все в порядке... просто у меня часы сегодня спешили, я ведь утром вам показывала, вот с этого и началось. У меня все в порядке, никаких сложностей.

– Ну как знаете. Однако если решите...

– Нет-нет, спасибо, отпуск не нужен, – поспешно перебила меня Калмыкова.

– Тогда можете идти, Инна Алексеевна, я сама разберусь с клиенткой. Да, кстати, – я сняла очки и посмотрела на вставшую из-за стола Инну. – Я все забываю спросить, а почему вы ушли из московской клиники? Все-таки там наверняка были перспективы.

– Какие? – чуть скривилась Инна. – Уж точно гораздо меньшие, чем здесь. Вы не подумайте, что я пытаюсь к вам подольститься, потому хвалю вашу клинику, нет. Но за то время, что я тут работаю, я чувствую, что существенно улучшила навыки, а в Москве была рутинная работа.

– Я ничего такого не думаю. Но все же должна быть причина для того, чтобы человек бросил работу в столичной клинике – пусть и рутинную, но со стабильным доходом, забрал двух детей и переехал сюда, очень далеко от столицы. Наверняка вашей дочери такая перемена мест не очень понравилась, да? Она ведь готовилась поступать в московский институт, правда? А пришлось учиться в провинции.

Калмыкова слегка покраснела:

– Это мой родной город, я же говорила. Я сама закончила здешний институт, и вы не хуже моего знаете, что он отличный, хоть и не столичный. Вы ведь тоже здесь учились, не обязательно в Москву ехать, если есть стремление получить знания. И Алина тоже так считает.

Ну в последнем я не была так уверена – проблемы-то у Калмыковой есть, и почти сто-процентно они связаны с дочерью, которая в силу возраста сейчас наверняка невыносима.

– Если у вас нет больше вопросов, Аделина Эдуардовна, можно, я пойду? Мне еще нужно клиентов к завтрашним операциям подготовить.

– Да, разумеется. – Я поняла, что о причинах увольнения она мне не расскажет, значит, придется самой поискать информацию.

Дверь за Калмыковой закрылась, а я не могла отделаться от неприятного чувства, что Матвей, скорее всего, прав, и что-то в московской клинике произошло такое, о чем Инна говорить не хочет. Меня беспокоило и то, что в трудовой книжке не было записи об увольнении по статье – хотя руководство могло пожалеть одинокую мать двоих детей, не имеющую никакой поддержки.

«Интересно, а кем был ее муж? – вдруг подумала я, придвигая к себе карту клиентки. – Я никогда об этом не думала, кстати. Хотя... почему меня должно было это интересовать? Но теперь придется и это выяснить, что-то мне подсказывает, что эта Инна Калмыкова не так проста, как выглядит, и что-то в ней есть такое... странное».

Семен

Остаток дня нужно было чем-то занять. Хотелось расслабиться и прочистить мозги, чтобы завтра явиться на новую работу совершенно другим человеком, свободным от всего, что было в прошлом.

Перспектива новой жизни очень вдохновляла Семена, он почувствовал впервые за несколько лет, что нашел наконец то, что поможет ему избавиться от бесконечных сравнений с отцом, а главное – от его контроля.

Идея поехать в бар пришла почти сразу – он давно не был среди своих, все никак не находилось времени, а последние две недели после увольнения из клиники Семен просто не хотел никого видеть.

Пообещав себе не прикасаться к спиртному, он прихватил кожаную куртку и шлем и спустился во двор, где был припаркован харлей. День катился к вечеру, скоро в баре будет не протолкнуться – заведение популярное среди любителей мотоциклов, очень специфическое и необычное, и нужно было поторопиться, чтобы занять место у барной стойки.

Бар «Железный конь» принадлежал хорошему приятелю Семена Кузьме Троицкому, больше известному в байкерской тусовке как Кузя Трёшка. Когда-то давно он купил помещение и пытался открыть там магазин, однако дело не пошло, и кто-то посоветовал Кузе, страстному любителю готовить гамбургеры, перепрофилировать свое заведение и открыть там небольшой бар, где будут подавать эту нехитрую еду.

Кузя так и сделал, и первый год сам стоял за плитой, жаря котлеты и булки для своих приятелей-байкеров. Вскоре заведение приобрело популярность в мототусовке, потребовался ремонт и расширение штата, а затем пришлось выкупить у соседа часть здания, чтобы увеличить площадь, так как «Железный конь» перестал вмещать всех желающих. Сейчас это было самое известное заведение, где можно было выпить пива, съесть отличный гамбургер из весьма обширного меню, при желании заказать что-то погорячее или просто спеть в караоке.

Семен тоже любил это место, хотя с некоторых пор Кузя запретил бармену наливать Доктору что-то кроме пива, да и то не более трех кружек. Семен сперва возмущался, но Кузя от своего запрета не отказывался, прямо заявив:

– Хочешь бухать – дело твое, страна свободная. Но делай это в другом месте.

– А чего так? – поинтересовался пришедший в бар уже нетрезвым Семен.

– А не хочу смотреть, как хороший врач карьеру в унитаз сливает. И участвовать не хочу тоже. Все, Доктор, разговор окончен. Хочешь ужинать или пивка парочку – милости прошу, а что покрепче – это не у меня.

Семен тогда здорово обиделся, с месяц не появлялся в «Железном коне» и даже в тусовку не приезжал, но потом вдруг понял, что Кузя поступил как настоящий надежный товарищ, готовый помочь и подставить плечо. Запивать свои проблемы спиртным было самым легким путем, самым простым выбором, а самое простое не всегда самое удачное.

Когда он снова появился в баре, все вели себя так, словно ничего не произошло – будто виделись только вчера. Бармен Саня выставил на стойку большую кружку холодного темного пива, официантка Кристина принесла тарелку с колбасками, сыром и кольцами кальмара, словом, все вели себя так, будто ничего не произошло.

И даже Кузя, показавшийся на лестнице, ведущей на второй этаж, приветливо помахал рукой, давая понять, что присоединится к нему через пару минут.

Он ничего не спросил, даже не попытался узнать, как дела – завел разговор о предстоящем мотофестивале, куда собирались гнать всей тусовкой через пару недель. И Семен понял, что и ему следует вести себя точно так же. Стало как-то легче на душе.

Сегодня в баре было полно народа уже к тому моменту, как Кайзельгауз припарковал харлей в «кармане» слева от входа. До него доносились звуки музыки, и Семен вспомнил, что сегодня караоке работает для всех желающих.

«Н-да... неудачно, конечно», – подумал он, однако внутрь вошел и сразу двинулся к стойке.

Саня кивнул ему, показал пальцем на пивные кружки, но Семен отрицательно покачал головой и указал на выставленные пачки с соками:

– Апельсинку сделай мне.

– Минутку посиди, я быстро, – Саня повернулся к парочке, которую обслуживал.

Семен расположился у стойки на высоком табурете и принялся лениво оглядывать зал в ожидании своего напитка. Сегодня публика была разношерстная – в понедельник в баре собирались любители пения, и это были совершенно не те люди, что посещали это место в остальные дни. Много молодых девчонок, приходивших стайками по пятеро и больше, смешанные компании, даже довольно взрослые люди, не стесняющиеся отсутствия слуха и голоса – этим хватало нескольких рюмок горячительного, чтобы совсем освободиться от комплексов и начать завывать мимо нот.

Обычно Семен не приезжал в бар по понедельникам, но сегодня был особый случай. Он праздновал начало своей новой, как он надеялся, жизни.

– Здорово, Доктор, – Саня наконец освободился и принес ему стакан апельсинового сока, но не из пачки, а свежавыжатого. – А ты чего сегодня?

– Да так... – неопределенно проговорил Семен. – Скучно... Кузя здесь?

– Да, у себя. Так к нему кто-то пришел, обсуждают какой-то контракт на поставку пива. Попозже спустится.

И тут Семен услышал голос. Чуть хриловатый женский голос, слегка срывающийся на высоких нотах. На сцене стояла худая невысокая девчонка в цветастом платье и накинута поверх джинсовки, держа двумя руками микрофон в стойке и, прикрыв глаза, пела шлягер известной русской рок-исполнительницы.

Пела она так, что у Семена побежали мурашки по спине, он развернулся на табурете и, не отдавая себе отчета, уставился на девчонку, с удовольствием рассматривая ее тонкую фигурку и длинные ноги, обутые в высокие тряпичные ботинки, наподобие берцев.

У нее были длинные каштановые волосы, небрежно перекинутые через плечо и прихваченные резинкой, тонкое лицо, напоминавшее по форме рисовое зерно – чуть вытянутое, с бледной кожей, немного длинноватый нос и пухлые, почти детские губы, слегка тронутые розовой помадой.

Когда песня закончилась, девушка открыла глаза, отпустила микрофон и быстро соскочила со сцены, оказавшись в кругу таких же молодых девчонок. Они всей толпой двинулись к столику, сели и, подняв бокалы с пивом, загалдели что-то, как стайка синичек.

«Подойти, что ли?» – подумал Семен, но тут же отогнал от себя эту мысль – девчонка показалась ему несовершеннолетней, а связываться с малолетками Кайзельгауз приучен не был. Да и положить руку на сердце не хотелось никаких проблем, которые неизбежно возникли бы с молоденькой девчонкой. Так что, пожалев про себя, что судьба так несправедливо с ним сегодня обошлась, подкинув классную, но совершенно зеленую красотку, Семен повернулся к бармену:

– Отличный сок, Саня.

– Апельсины попались отменные. Ты есть-то будешь? Сегодня фирменные Кузины гамбургеры с острым перцем и маринованным ананасом.

Семен почувствовал, как рот наполняется слюной – вкус у этих гамбургеров был изумительный, ананас чудесно дополнял котлету из мраморной говядины, а острый перец довершал картину.

– А давай! – кивнул он. – Можно даже парочку.

Он уже почти расправился со вторым гамбургером, когда за его спиной раздался женский голос, обращавшийся к бармену:

– Скажите, у вас тут есть аптечка?

– Есть.

– А что случилось? – развернулся Семен и увидел ту самую девушку.

– Вам-то что? – агрессивно отозвалась она, нервно дернув плечом. – Аптечку дайте быстрее.

– погоди, Саня, – остановил бармена Семен. – Я врач, рассказывайте, какая помощь нужна.

Девчонка фыркнула и, оглядев сидевшего на барном стуле Семена с ног до головы, усомнилась:

– Какой же вы врач?

– Хирург, – Семен встал, и девушке пришлось задрать голову:

– Да? Тогда идемте со мной.

Аптечку из рук Сани Семен все-таки захватил и направился за девушкой, быстро и уверенно рассекавшей толпу, колыхавшуюся в такт песни перед сценой.

– И куда мы? – спросил Семен, поняв, что девушка идет по направлению к туалетам.

– Моя подруга сильно руку порезала.

– В туалете?

– А вы стесняетесь? – девчонка определенно была слишком дерзкой для своего возраста, но сейчас Семену не хотелось делать ей замечаний.

– Да мне-то что стесняться? А вот посетительницы будут недовольны.

– Их проблемы, – отрезала девчонка, берясь за ручку туалета.

Картина, открывшаяся Семену за дверью, никак не иллюстрировала фразу «порезала руку», скорее – «неудачно вспорола вену». На кафельном полу прямо под раковинами в луже крови сидела девица с черными волосами, зажимая правой рукой запястье левой, из которой вся эта кровь и налилась. Девица, видимо, уже начала терять сознание, потому что именно в тот момент, когда Семен опустился на корточки рядом с ней, она повалилась на пол и закатила глаза. Освобожденная от давления рана на руке вновь закровила, и Семен, изо всех сил сжав руку девушки выше пореза, приказал приведшей его дерзкой девахе:

– Жгут из аптечки, быстро!

Та трясущимися руками вынула резиновый жгут и протянула Семену, а он туго затянул его на руке пострадавшей.

– Бинт, – не глядя, Семен протянул руку, совсем как в операционной, и взял упаковку с бинтом. – Что она пыталась сделать? С собой покончить?

– Она... нечаянно...

– Ты дура, что ли?! – возмутился Семен, оглядываясь. – Ты что мне тут паришь, сказал же – я хирург, уж, наверное, отличаю простой порез от попытки вскрыть вену!

– Ну да, да! – зашипела девчонка, оглядываясь на дверь туалета, в ручку которой, оказывается, успела всунуть какую-то палку. – Парень ее бросил, прямо сюда приперся с новой телкой, вот Светка и не выдержала.

– Вы реально больные, – вздохнул Семен, заканчивая накладывать тугую повязку на рану. – Скорую вызывай, ее зашивать нужно.

– Ты же сказал, что хирург.

– Но зашивать такую рану в здешних условиях не стану.

– А что так?

– А лицензию жалко. Звони, говорю, а то действительно ласты склеит твоя подруга, – припугнул он, заметив, что девчонка медлит.

Она вынула мобильник, набрала цифры, долго что-то мямילה в трубку, и Семен не выдержал, отобрал телефон и коротко изложил суть проблемы диспетчеру.

– И пусть бригада поторопится, тут большая кровопотеря, пострадавшая без сознания, пульс нитевидный. Да, я врач. Кайзельгауз моя фамилия. Нет, сын. Да, жду, спасибо. Тебя как зовут-то? – спросил он, возвращая девчонке телефон, но та не ответила – закрыв лицо руками, вдруг расплакалась, как маленькая, всхлипывая и постанывая от страха. – Эй, ты чего? Все будет хорошо, не переживай, – он попытался приобнять ее за плечи, но девушка вырвалась и заплакала еще громче. – Вот дуреха, ты чего сейчас-то реवेशь? Кровь остановили, бригада приедет, увезут в больницу, там заштопают, кровь прокапают – через пару дней в порядке будет твоя подружка, сможет вторую руку располосовать ради своего благоверного.

– Ты придурок, что ли? – просипела девушка сквозь слезы. – Человек просто так на подобное не решается!

– Разумеется, – кивнул Семен, вставая. – Такое можно только по исключительной дурости натворить. Подумаешь – парень бросил! Да они как трамваи – следующий придет.

Дверь рванули с той стороны, и Семен спохватился, выдернул палку из ручки – на пороге стоял врач в синей спецовке с чемоданчиком в руке.

– Еле нашел вас.

– Да, извините, надо было встретить, – он посторонился, пропуская врача. – Кровь я остановил, но к тому моменту, когда начал, кровопотеря уже была большая.

– Ну озеро натекло приличное. Надо грузить, я по дороге предупредил приемное, там ждут.

– Я, пожалуй, с вами поеду, – сказал Семен, и тут встрепенулась певица:

– И я!

– А вы, барышня, вытрите лицо и идите отсюда, – сказал врач скорой. – Без вас разберемся.

– Но...

– Я сказал – идите! – чуть повысил голос доктор, и девушка, метнув на него злобный взгляд, вышла из туалета.

– Матери ее позвони, – крикнул Семен, высовываясь в коридор, и увидел, как девчонка, не оборачиваясь, вскинула над головой средний палец. – Вот зараза...

Появился фельдшер с носилками, втроем они закинули пострадавшую на них и покатали к выходу.

Навстречу стремительно шел Кузя с обеспокоенным лицом:

– Что произошло?

– Успокойся, все уже нормально, она жива и даже, кажется, в себя приходит, – быстро сказал Семен, заметив, что девушка на носилках пошевелилась.

– Мне только полиции не хватало здесь, – пробормотал Кузя.

– Все равно приедут, – коротко бросил врач. – Попытка суицида в публичном месте.

– Черт их дери, соплюх малолетних, – в сердцах проговорил владелец бара. – Нажрутца и творят...

В это время наперерез медикам бросился невысокий парень в темно-синей футболке и белых джинсах.

– Света! Света! – он вцепился в каталку с носилками и затряс девушку за плечи. – Что ты наделала?!

– Молодой человек, отойдите, дайте пройти, – врач попытался оттереть его в сторону, но парень вдруг оттолкнул его и заорал:

– Я не дам ее увезти!

– Ну твою же налево... – расстроено протянул Кузя. – Еще и этот ушлепок...

Семен решительно приблизился к парню и взял его за плечо:

– Братец, ты бы не мешал докторам твою даму спасать, а?

– А ты кто? – парень попытался сбросить руку Семена, но тот крепко держал его. – Слышь, руку пусти! Руку пусти, а то...

– А то – что? – спокойно поинтересовался Семен.

– Да рожу всю распишу тебе!

– Угу – если допрыгнешь, – согласно кивнул Кайзельгауз, крепче сжимая пальцы на плече парня, едва доходившего ему до груди. – Идем-ка, дружище, проветримся, тебе, смотрю, совсем нехорошо, – он развернул парня к выходу и повел впереди себя.

Парень сделал еще попытку вырваться, но получил ощутимый тычок в спину и смирился.

Семен завел его за угол, к мусорным бакам, и развернул лицом к себе:

– Тебя как зовут?

– Иван.

– А меня Семен. Так вот, Ваня, подруга твоя пыталась вены вскрыть – не догадываешься о причинах?

Парень опустил голову:

– Я же не думал, что так... ну что она вот так...

– Расставаться, Ваня, надо красиво и так, чтобы девушка на тебя зла не держала, понимаешь? И уж тем более, чтобы она вены себе не распарывала.

– Но я не хотел... не думал...

– Да понятно, что не думал, – вздохнул Семен, скрепя руки на груди. – Если бы думал, не притаился бы сюда с новой пассивностью. Специально, поди, привел, знал, что твоя бывшая тут будет?

Иван виновато опустил голову.

– А говоришь – не хотел. Хотел ты – хотел, чтобы Светке еще больнее было. Дурак ты, Ваня. И повезло тебе, что подружка у нее оказалась шустрая и что я сегодня в бар заехал. Иначе жить бы тебе, Ваня, с тяжелым камнем на душе всю жизнь. Хотя... – он смерил съежившегося от его слов парня с головы до ног тяжелым взглядом и продолжил: – Хотя, Ваня, такие, как ты, ни о чем не жалеют, скорее всего. Ладно, топай отсюда.

– Как? – растерянно переспросил тот, и Семен вздохнул снова:

– Быстро. Очень руки у меня чешутся по шее тебе дать, могу не сдержаться. Так что давай топай. И подумай хорошо о том, что я сказал.

Парень развернулся и, вобрав голову в плечи, побрел в сторону автобусной остановки.

Семен постоял еще пару минут и вернулся в бар, надеясь найти подружку неудачливой самоубийцы, но девушки там уже не было.

Инна

Она долго не могла набраться сил, чтобы выехать с парковки, так и сидела за рулем, опустив голову и упираясь лбом в оплетку. Произошедшее сегодня словно высосало из нее все силы, и теперь Инна даже руку поднять не могла.

«Как это случилось? Ну как я позволила себе настолько погрузиться в личные дела, чтобы так проколоться на элементарном сборе анамнеза? Такие вещи перестают делать курсе на втором примерно, а я... Столько лет практики – и допустить студенческую ошибку...»

Слово «студенческую», мелькнувшее в голове, сразу вызвало другую ассоциацию – с дочерью, которая за весь день ни разу не сняла трубку и так и не перезвонила.

Инна встрепенулась, выпрямилась и вынула из сумки телефон. Ну так и есть – ни единого звонка.

«Если сейчас заеду в клинику, а ее там нет, найду и убью», – вяло подумала она, все-таки выезжая с парковки.

Инна понимала, что такой тотальный контроль, которому она сейчас подвергала дочь, ни к чему хорошему в конечном итоге не приведет, но остановиться тоже не могла. Алина все больше отдалялась от нее, скрывала что-то, недоговаривала, и это настораживало и очень пугало Инну.

Драгун сегодня попала в самую точку словами о том, что дочь была крайне недовольна внезапным переездом из Москвы в глушь – ну так Алина называла город, где родилась и выросла ее мать. Разумеется, она хотела учиться в столичном институте, иметь возможность вести прежнюю жизнь с подружками, кафешками и ночными клубами. Теперь же приходилось то присматривать за младшим братом, то отчитываться перед матерью за то, где и с кем была, а к подобному Алина не привыкла. Да и жить в панельной стандартной квартире, пусть и с четырьмя, но довольно тесными комнатами, оказалось куда менее комфортно, чем в огромном загородном доме с множеством комнат и даже с приходящей уборщицей. Здесь все приходилось делать самим.

«Ничего, когда-нибудь она повзрослеет и поймет, зачем я сделала это и что меня подтолкнуло к такому шагу, – думала Инна, вцепившись в руль и глядя перед собой на дорогу. – Мне тоже здесь непросто, но другого выхода все равно не было. И еще неизвестно, как все сложится дальше. Осталось пять лет... и что случится потом, никто не знает».

Пять лет... пять лет относительно спокойной жизни – и, возможно, придется снова что-то решать, как-то приспособливаться, а то и снова бежать куда глаза глядят – и на этот раз вообще в чужое место.

«Не дай бог... я не выдержу больше, с меня хватило переезда сюда...»

Сына Инна увидела на детской площадке во дворе – он висел на турнике вниз головой рядом с парнишкой в светлых шортах и опустившейся ему на лицо широкой футболке. Они о чем-то болтали, словно не обращая внимания на странное положение своих тел. Няня Дани, пожилая женщина, сидела неподалеку на скамье под тентом и читала книгу, время от времени поднимая голову и проверяя, где ее воспитанник.

– Добрый вечер, Тамара Петровна, – поздоровалась Инна, опускаясь на скамью рядом с няней.

– Уже вернулись, Инна Алексеевна?

– Так уже шестой час.

– Ох ты, а мы загулялись после полдника... Даня, мама приехала! – громко сказала няня, так как мальчики висели на турнике лицами в другую сторону и подошедшую Инну, конечно, не заметили.

Сын выгнулся тоненьким тельцем, исполнил какой-то кульбит и оказался на ногах, подбежал к Инне и обнял за шею:

– Мама! Ты сегодня рано вернулась.

– Нет, Данечка, это мы с тобой загулялись, уже, оказывается, дело к ужину, – сказала няня, закрывая книгу. – Сейчас накормлю вас и домой поеду.

– Зови Никиту ужинать к нам, – предложила Инна, и сын радостно подпрыгнул:

– А можно, мы потом еще поиграем?

– Можно. Только я его маме позвоню, скажу, что он у нас.

– Никита, пойдем к нам! – крикнул Даня, подпрыгивая на одной ноге. – Тамара Петровна на ужин голубцы приготовила!

Мальчики взялись за руки и побежали к подъезду, Инна с няней пошли следом.

– Алина во сколько ушла?

– Да в обед почти. Еле добудилась ее – спала как убитая. Сказала, что ей в ночную смену сегодня.

Инна только головой покачала – дочь не придет ночевать, обставив это как дежурство, но где и с кем заночует на самом деле, останется тайной. Как бороться с этим, Инна не понимала, а совета спросить тоже было не у кого – ну не пожилой же матери признаваться в том, что не можешь справиться с собственной дочерью... Да и к чему ей эти лишние волнения, после смерти отца она и так сильно сдала. Придется выкручиваться самой.

Когда Инна в спальне уже переоделась в домашний костюм, вдруг звякнул телефон, сообщив о пришедшем в мессенджере сообщении.

Она открыла его и замерла. Во вложении оказался снимок белого листка, на котором была набрана странным готическим шрифтом одна фраза: «Не думай, что сможешь убежать и прятаться вечно».

Задрожавшей рукой Инна выключила телефон, села на кровать и обхватила голову.

«Как?! Как это могло произойти? Я же сменила номер! И что теперь делать? Теперь – когда мне казалось, что все закончилось, что можно выдохнуть и продолжать жить дальше! Что уж здесь-то меня точно не найдут... Я же все предусмотрела! Или... не все? Прошло почти три года... и все напрасно, все зря. Они найдут меня – уже нашли...»

– Мама, ну ты где? – раздался звонкий голос сына, и Инна встрепенулась – нет, дети не должны ничего понять, не должны узнать. Она обязана их защитить, обязана – иначе зачем вообще это все?

– Уже иду, – отозвалась она, вставая и делая первый шаг на неслушающихся ногах. – Устала я сегодня, Данечка, день-то операционный...

– Тогда ты поужинай и ложись, ладно? – сын обеспокоенно заглянул ей в глаза и взял за руку. – Я сам посуду уберу и Никиту провожу.

Инна улыбнулась вымученной улыбкой, потрепала мальчика по макушке:

– Ну хорошо, если ты такой взрослый. Тогда отпустим Тамару Петровну после ужина?

– Конечно!

Няня уехала сразу после ужина, Даня вместе с приятелем убрали посуду в посудомойку и скрылись в комнате, включили там игровую приставку. Инна легла на кровать и закрыла глаза. Пришедшее сообщение очень ее испугало, и теперь она мучительно искала выход из создавшейся ситуации, пока та не стала еще более угрожающей.

Снова куда-то переезжать? Это будет уже третий переезд за три с небольшим года, Дане придется снова сменить школу, а он и так с большим трудом привыкает к новому коллективу. Здесь у него друзья, лагерь, секция плавания... Алина совсем отбилась от рук, и, если объявить ей о переезде, вообще непонятно, чем закончится. Оставить ее учиться здесь тоже невозможно – нельзя нагружать этим пожилую маму, а без контроля дочь, конечно, совсем забросит институт и останется без профессии.

«Стоило только однажды... всего лишь один раз совершить то, в чем сомневалась и что делать не хотела, и теперь приходится расплачиваться за это благополучием детей... Если бы вернуть тот день, если бы отмотать назад время... Нет, невозможно, нельзя... Но – теперь-то что делать?»

Инна вот уже два года не думала об этом, и теперь с каждой минутой ей становилось все страшнее. Нет, не за себя – за дочь и сына. За сына даже больше – у мальчика обнаружили сахарный диабет, он вынужден был научиться с этим жить, но Инна не сдавалась, пыталась сделать его жизнь комфортной и почти такой, как у остальных детей. Именно поэтому Даня занимался плаванием и даже поехал в летний лагерь вместе с клубом.

Она взяла с тумбочки телефон и набрала номер Алины.

Дочь не отвечала, Инна повторила звонок несколько раз, но ничего не изменилось, кроме того, что телефон дочери стал недоступен – видимо, устав от трезвона, она просто его отключила.

«В кого она такая? Неужели не понимает, что я волнуюсь? – думала Инна, грызя костяшку указательного пальца. – Неужели это так сложно – снять трубку и сказать, что с тобой все в порядке?»

Она не слышала, как Даня проводил друга, как прошелся по квартире, выключая везде свет и проверяя, не нужно ли что-то убрать, – так всегда делал его отец, педантичный до психоза.

Подобное поведение сына иногда пугало Инну, ей казалось, что у Дани есть все задатки для того, чтобы вырасти копией своего отца, а это было как раз то, чего ей хотелось в последнюю очередь.

Сын на цыпочках вошел в спальню и залез к ней под одеяло, прижался и обнял за шею:

– Ты не спишь?

– Еще рано.

– Ты устала, тебе нужно отдыхать, завтра ведь опять на работу, – совсем по-взрослому вздохнул мальчик, и Инна почувствовала, как у нее щиплет в носу.

– Как дела в лагере?

– Хорошо. Там очень весело, мы в поход собираемся на следующей неделе.

– В поход? – насторожилась Инна. – Впервые слышу.

– Я забыл тебе рассказать, – беспечно отозвался мальчик. – Мы собираемся в поход, будем ночевать в лесу и сами ставить палатки и костер разводить.

Инну почему-то охватило беспокойство. Она вдруг представила, как ее хрупкий мальчик остается в лесу один, как он потерялся, упал с обрыва, обжегся у костра – да мало ли, что может произойти с ребенком во время такого мероприятия, если рядом не будет матери. Кроме того, он должен делать себе инъекции...

– Я не уверена, что могу тебя отпустить.

– Ну мама! – сын сел и уставился ей в лицо. – Как это – не можешь? Все пойдут, а я как же? Мы ведь готовимся, у каждого свое задание! Если я не пойду – кто будет выполнять мои обязанности?

– Даня, я не могу тебя отпустить, ты должен меня понять. Ты еще маленький, ты серьезно болен... – Но мальчик вдруг вскочил и побежал к двери.

– Ты... ты... злая! Я тогда из дома убегу, как Алька! – и он скрылся в своей комнате, громко захлопнув дверь и повернув ключ в замке.

Инна уткнулась лицом в подушку и застонала. Она понимала, почему так происходит – всему виной это сообщение с фотографией, и если бы не это, она даже не подумала бы разговаривать с Даней в таком тоне или что-то ему запрещать. Но слова на листке были такими ужасными, что Инна невольно начала рисовать себе картины одна страшнее другой, в том числе и с участием Алины, и решила перестраховаться.

Ей не пришло в голову, что Даня и в городе находится в опасности, если угрожающий ей человек решится на серьезные действия, – какая защитница из немолодой Тамары Петровны, но сам факт, что здесь она рядом, а в лагере полно других детей, и никто не будет присматривать за ее сыном как-то особенно внимательно, заставил Инну укрепиться в решении не пустить Даню в поход. И в лагерь завтра тоже не пустить, и вообще – не пустить его туда больше, черт с ней, с этой сменой, лучше отвезет мальчика на дачу к маме – это и за городом, и не настолько далеко.

Она включила бра у кровати и снова набрала номер Алины, но телефон по-прежнему был отключен.

Аделина

Навести справки о прошлой работе Инны Калмыковой я решила при помощи хорошего приятеля из Горздрава. Но для этого пришлось ехать к нему в кабинет – он терпеть не мог телефонных разговоров, предпочитал личное общение.

Матвей довез меня до центра города и направился в институт, пообещав потом забрать – свою машину я оставила у клиники, о чем теперь жалела, – можно было не гулять по центру, ожидая, когда муж закончит читать лекцию на курсах повышения квалификации хирургов, а ехать домой. Здесь, конечно, было не так уж далеко, но Матвей почему-то настойчиво просил дожждаться его. И я, переговорив с приятелем, решила пройтись по центральной улице, где не была уже довольно давно – то времени не оказывалось, то желания выходить из квартиры в единственный выходной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.